

НОВАЯ ГАЗЕТА

КОММЕНТАРИЙ • ПОЛИТИКА

«Неуд» за первую четверть

Двадцать пять лет назад начался не просто новый век для России — новая историческая эпоха

Фото: Василий Шапошников / Коммерсантъ

09:49, 30 января 2026,

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Для России — уже постсоветской — это означало завершение 90-х, которые тогда еще не было принято называть «лихими». И если сегодня оглянуться и сравнить то, что было, и то, что стало, — мы увидим движение вспять на протяжении четверти века.

«Контрамоция», как сказали бы братья Стругацкие. Или «кольцо обратного времени», как сказал бы Сергей Снегов.

Четверть века назад — в январе 2001-го — в стране уже был президент Владимир Путин. Но еще был премьер-министр Михаил Касьянов*. Уже погиб экипаж подводной лодки «Курск». Но еще работало старое НТВ. В Госдуме уже сидела фракция «Единая Россия» (в двух частях: «Единство» и «Отечество — вся Россия»). Но она еще не была большинством. И в парламенте еще были «Яблоко» и СПС.

Уже был принят закон о советском гимне и введены «федеральные округа». Но еще можно было выбирать губернаторов, без всякого «муниципального фильтра», и свободно проводить митинги и шествия.

Уже шла вторая чеченская война. Но никого из журналистов или политиков еще не преследовали даже за самые резкие высказывания об армии. И тем более никто из политиков не сидел в СИЗО или колонии за свои оппозиционные взгляды.

За десять лет до этого, в начале 90-х, были понятны и близки многим цели на ближайшие годы: приоритет прав и свобод граждан, правовое государство и равенство всех перед законом, демократия и политическая конкуренция, честные выборы, независимый суд, свободные СМИ...

И тогда казалось, что есть все условия для достижения этих целей.

...Сегодня оно почти забыто — то последнее выступление

президента СССР Михаила Горбачева 25 декабря 1991 года, ставшее его политическим завещанием.

Тогда, уходя со своего поста, он говорил:

«Ликвидирована тоталитарная система, лишившая страну возможности давно стать благополучной и процветающей. Совершен прорыв на пути демократических преобразований. Реальными стали свободные выборы, свобода печати, религиозные свободы, представительные органы власти, многопартийность. Права человека были признаны высшим принципом. Покончено с холодной войной, остановлена гонка вооружений и безумная милитаризация страны, изуродовавшая нашу экономику, общественное сознание и мораль. Снята угроза мировой войны. Мы открылись миру, отказались от вмешательства в чужие дела, от использования войск за пределами страны. И нам ответили доверием, солидарностью и уважением».

И еще:

«Жизненно важным мне представляется сохранить демократические завоевания последних лет. Они выстраданы всей нашей историей, нашим трагическим опытом. От них нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах, и ни под каким предлогом. В

противном случае все надежды на лучшее будут похоронены».

Отказываться начали уже в 90-х. Легко найдя предлог — «не допустить коммунистического реванша». То есть не допустить смены власти на выборах.

Параллельно проклиная Горбачева — за «развал страны» и «величайшую геополитическую катастрофу».

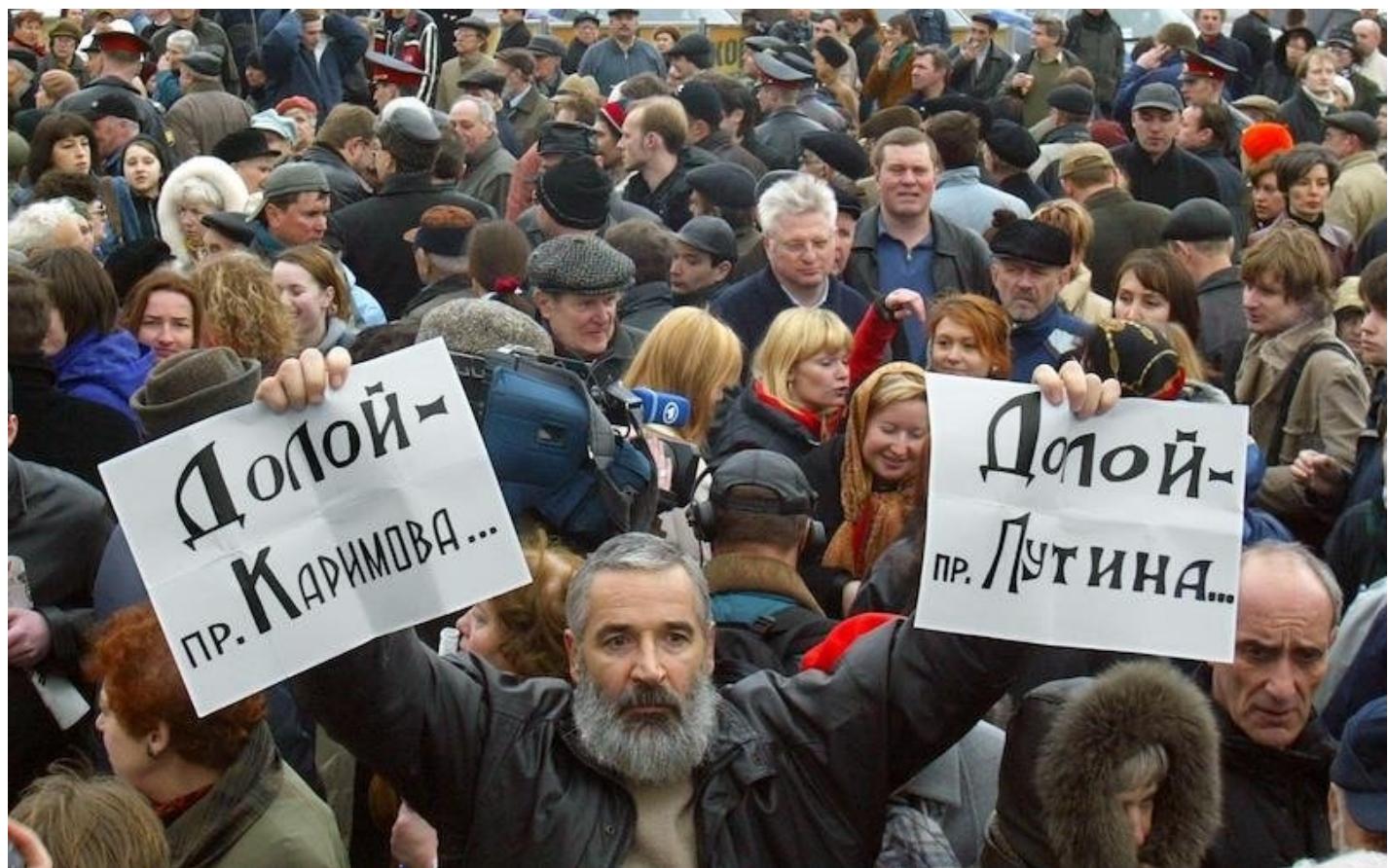

Фото: Григорий Собченко / Коммерсантъ

Причем проклинали его с высоких трибун, главным образом, те, кто без его реформ был бы сегодня если и не никем, то уж точно не тем, кем стал.

Тем не менее до начала двадцать первого века то, что сделал

Горбачев, еще сохранялось. А сделал он две ключевые вещи: дал свободу и убрал страх. Так вот, четверть века назад свободы еще была, а страха еще не было.

Страха попасть под репрессии за то, что ведешь себя как свободный человек: говоришь то, что думаешь. Его не было ни у журналистов, ни у политиков, ни у общественников, ни у обычных граждан.

А потом он начал появляться — одновременно с ущемлением свободы.

...Разгром НТВ в апреле 2001-го показал, что независимое от властей телевидение федерального уровня, способное критиковать не только правительство, но и президента, более не будет иметь права на существование.

И он стал очень наглядным сигналом для медиасообщества: если ты не абсолютно послушен, то ты враг. Со всеми вытекающими последствиями.

С «делом «ЮКОСа» точно такой же сигнал получил бизнес: или ты полностью лоялен — или твою собственность в любой момент можно отнять. При помощи правоохранительных органов и суда, который, конечно же, по закону, независим, но правильно понимает, в чем состоят «государственные интересы».

Потом на выборах максимально усложнили регистрацию, максимально упрощая для властей возможности не допустить неугодных кандидатов.

Потом правила проведения митингов и собраний сделали такими, что все нежелательное для властей можно было запретить. А если рискнут собраться — задержать и оштрафовать, а то и арестовать.

Потом под предлогом борьбы с терроризмом отменили выборы губернаторов...

Все это происходило постепенно, и каждый раз — под разговоры о безопасности и порядке (о которых многие мечтали, особенно после осенних взрывов домов в 1999-м).

И многие думали, что это только временные «перегибы», что к ним можно приспособиться, что скоро все вернется назад, вернется свобода и отступит страх.

Как же они ошибались, выдавая желаемое за действительное. И не оказывая этому откату должного сопротивления.

А потом откат стал превращаться в реванш — тех, кому ненавистна свобода и необходим страх. И чем меньше было свободы и чем больше страха — тем дальше общество уходило назад, в прежние времена.

...Несогласие с властью из конституционного права гражданина снова, как в советские времена, превратилось в преступление. Право сменилось презумпцией непогрешимости государства и его репрессивных органов. Стали множиться доносы на «неблагонадежных» и составляться списки «врагов народа». Политические преследования стали осуществляться по недоброи памяти принципу «был бы человек, а статья найдется». Да и число соответствующих статей все ширилось и ширилось, как и возможности для их нужной властям интерпретации (с чем охотно соглашались суды).

Стали наказывать за «оскорбление религиозных чувств» и «экстремизм», за «фейки» и «дискредитацию». Появились похожие даже не на «брежневские», а на «сталинские» законы об «иностранных агентах» и «нежелательных организациях», позволяющие без суда объявить «врагом» любого. А суды из места, где осуществляется правосудие и воплощается справедливость, стали все больше напоминать место, где лишь оформляют заранее принятые решения об объявлении виновными.

Расширение власти президента закончилось изменением Конституции и известным «обнулением». Ограничения прав граждан, временно введенные под предлогом эпидемии ковида, из временных стали постоянными — хотя никакой эпидемии давно нет.

Сменяемость власти была объявлена угрозой «стабильности», свобода мнений и разномыслие — угрозой «безопасности», права человека — враждебным изобретением Запада, предназначенным для «разрушения нашего суверенитета».

Да и сам суверенитет стал все больше пониматься как право властей делать внутри страны с гражданами все что угодно, не оглядываясь на международные конвенции (в мае 1998 года вступила в силу Европейская конвенция по правам человека, и ее ратифицировала Россия, а в сентябре 2025 года она была денонсирована, хотя стороной Конвенции Россия перестала являться еще за три года до того).

Открытость миру была заменена подозрительностью и враждой. «Холодная война» то тут, то там начала превращаться в «горячую». Вмешательство в чужие дела было объявлено «восстановлением исторической справедливости». Вновь начались гонка вооружений и милитаризация.

И стала отчетливо возвращаться та самая тоталитарная система, которую, по словам Горбачева, когда-то ликвидировали.

...Она вернулась не сама по себе — ее тщательно и долго возвращали, восстанавливая не уничтоженные, а лишь временно отодвинутые в сторону конструкции. Превратив прошлое в образ будущего.

Вернулась и потому, что не встретила общественного сопротивления, и потому, что не понесли никакой ответственности те, кто выстраивал и обслуживал прежнюю тоталитарную систему.

Фото: Алексей Филиппов / Коммерсантъ

Не были проведены суды по преступлениям тоталитарного режима, и не были открыты архивы — чтобы общество ужаснулось происшедшему и обрело иммунитет против его повторения.

И не было заявлено на государственном уровне — и подкреплено действиями и законами — что тоталитарное прошлое и его практики никогда не вернутся, что цели не оправдывают средства, и никакие «государственные интересы» не могут быть важнее жизней людей, их свободы и достоинства.

«Должно быть, был момент, тогда, в самом начале, когда мы могли сказать «нет». Но мы как-то его упустили».

Это шестьдесят лет назад, в 1966-м, написал в своей пьесе великий Том Стоппард — хоть и совсем по другому поводу.

Но есть ли надежды? Есть, и в первую очередь — на людей.

Большинство из которых, пусть и молчит, опасаясь репрессий, но очень многое понимает.

И хочет жить в мире, где закон один для всех, где право выше силы, где вокруг не «исторические враги», а друзья и партнеры, а величие страны определяется качеством жизни в ней, а не количеством и мощностью оружия.

Рано или поздно это желание снова материализуется в новое «окно возможностей» для перемен.

Когда? Неизвестно.

Но очень часто это происходит тогда, когда его никто не ждет.

Владимир Максимов

* Минюст включил в реестр иноагентов.